

Галина РУКОСУЕВА

Красноярск

Печаталась в литературных журналах «День и ночь» (Красноярск), «Истоки» (Нижний Ингаш), «Приокские зори» (Тула), «Три желания» (Рязань), «Чешская звезда» (Карловы Вары, Чехия), в альманахе «Новый Енисейский литератор» (Красноярск), в газетах «Красноярская газета», «Литературный Красноярск». Лауреат «Нового Енисейского литератора» за 2009 год. Лауреат литературного конкурса имени Юрия Черных «Золотой листопад» (Иркутск, 2008), межрегио-

нального конкурса, посвящённого 190-летию со дня рождения Н. А. Некрасова (2011). Стихи вошли в книгу призёров конкурса «Венок Некрасову» (Москва). Вышли авторская книжка для детей «Куда прячутся сны?» (2010) и книги «Автограф судьбы», «Басни» (2014), «Сказки не кончаются» (2015).

ВОСПОМИНАНИЯ КОТА ЦЕЗАРЯ

Человек культурен настолько, насколько он способен понять кошку.

Бернард Шоу

Часть 1

Домашние питомцы — милые кошечки. Иногда люди заботятся о них как о маленьких детях. А иногда...

Последнее время, осмысливая различные ситуации своей кошачьей жизни, кот Цезарь всё чаще искал уединения, чтобы погрузиться в свои воспоминания...

«Мама — как давно это было. Хотя смутно, но всё же помню её тепло, как нежно она вылизывала нас своим языком. А какое было молочко! Это оно давало сил подняться на лапки. Эти радужные воспоминания размывались с годами, как после летнего слепого дождя исчезает радуга на небосводе, оставляя на душе красоту своей неповторимости.

Почти с рождения видел высокие гладкие стены заточения, а рядом копошащихся таких же, как я, собратьев. Иногда приходила мама, а потом...

Потом — Свердловский рынок домашних животных, куда принесли нас на продажу, как беспомощных „рабов“. Да-да, нас выбирали незнакомые люди, рассматривали и снова клали в коробку.

„Выпустите меня! Я хочу к маме!“ — кричало моё сердечко.

Карабкаясь по спинам моих сестёр и братьев, я хотел наконец-то выбраться за эти неприступные стены, но вдруг, как за спасательный круг, ухватился за что-то тёплое, нежное. Это были ручки моей будущей хозяйки, ручки моей Полины. словно бы опять я очутился в объятиях мамы. С этих пор я решил никогда не расставаться с ней. Меня назвали Цезарем. Тогда мне хотелось бы имя нежнее, но потом оказалось, что именно имя Цезарь даёт мне привилегию на моё превосходство среди окружающих. Мне было дозволено всё. Ах, какое это было время!

Где-то в глубине сознания укреплялись мысли: „Я кот, который гуляет сам по себе“. Сколько во мне было сил и энергии! Я совершал забеги, а иногда и с препятствиями... Никто лучше меня не совершал такие сногсшибательные виражи. Кто был лучшим прыгуном, ковролазом и шторолазом? Конечно же, кот Цезарь.

Полина была лучшим моим другом. Неизвестно, как бы сложилась моя судьба, если бы не она, моя спасительница. Защищать её от сестры и от окружающих стало моим долгом.

Вы представить себе не можете: во мне бурлила родственная кровь больших и сильных кошек — тигров, леопардов и пантер.

За свою богиню я готов жизнь отдать.

Но однажды большая женщина — домоправительница — вместо благодарности за охрану её дочери пообещала, что выкинет меня с балкона за мой „тигриный“ характер. А это так несправедливо!

Поленька! Как я её ждал! Дом без неё был пуст, а я — осиротевший котёнок.

Шестым кошачьим чувством я улавливал её шаги и первым встречал свою девочку у дверей».

Кот прикрыл глаза и, не желая прощаться с приятными воспоминаниями, уснул.

Часть 2

«Вы себе представить не можете, какое унижение я испытывал, когда меня, Цезаря, носящего имя великого римского

диктатора и полководца, водили по улице на поводке. Собаки ехидно скалили свои зубы. Я ж бесстрашно, почерневшим от злобы и ненависти взглядом — глаза в глаза, давал им понять: не на того напали, — и принимал устрашающую позу.

Однажды, когда я отдыхал, а моей спасительницы не было дома, я подслушал разговор взрослых. Это был разговор против меня. Решался вопрос экзекуции надо мной. Я почувствовал, как затрясся мой хвост. Странное слово — „кастрация“ — звучало как приговор.

Мяу! Что я им сделал? Где Полина? Это негуманно! Против природы! Какие же всё-таки эгоистичные люди мои хозяева!

И, поджав хвост, чтоб не видели, как он трясётся, я спрятался под кровать.

Раздался зловещий звонок в дверь. В комнату вошла женщина. Что-то стала раскладывать на столе.

— Ну, давайте вашего Цезаря, — неприятным голосом произнесла она.

Конечно — давайте! А вот поймите!

Я бегал от них, понимая, что это смертельная участь для моего кошачьего достоинства, обречение молодого, полного сил организма на безвольное существование.

— Мяу! Не трогайте меня! — отчаянно крича, вырывался я из рук хозяина.

Но тётка поставила мне такой больной укол, что у меня потемнело в глазах. Казалось, я умираю. Я всё ещё делал попытки сбежать, когда последовал второй укол. Куда-то всё уплывало... улетало...»

Цезаря положили на мягкую подстилку, давая ему прийти в себя.

Он лежал беспомощный, не в силах пошевелиться. Подошло время возвращения Полины из школы. Именно в эти часы проснулся инстинкт, выработанный месяцами пребывания кота в этой семье. Он нутром почувствовал её приход. Цезарь не мог не встретить свою богиню. Превозмогая боль, ослабленный, пошатываясь, он вышел в коридор. Голос был его слаб:

— Мяу-у-у! Мяу-у-у! Как же долго тебя не было! Посмотри, что они со мной сделали. Сердца у них нет. Полиночка,

как ты думаешь, я никогда не буду иметь своих деток? Мяу-у-у! Как больно! Я не могу к тебе подбежать, приласкать тебя, как прежде.

Глаза Цезаря печально смотрели на девочку. Полина осторожно взяла любимца на руки и ушла с ним в комнату, где положила его на подстилку. Долго сидела возле него, нежно поглаживая, пока он не уснул.

Часть 3

После операции, Цезарь постепенно набирал силы. Он стал апатичным, ленивым и рыхлым. Лишённый инстинкта самца, он не обращал внимания на истошные крики котов. Панически стал бояться собак.

«Как мне стыдно за своё несовершенство. Ах, какой я был азартный! Разве мог кто-нибудь смеяться надо мной? Словно крылья подрезали птице. А моё имя уже звучит как насмешка — Цезарь!.. Да какой я Цезарь?..

И стыдливо, смущаясь окружающих его кошек и собак, уходил со двора под ехидные насмешки. А дома, когда все садились за стол обедать, я заходил и, гордо усевшись спиной к столу, начинал издавать звуки:

— Мяу! Где мой обед? Сделали из меня инвалида, а кормить кто будет? Может, мне ещё и мышек ловить прикажете? Сначала заведите их.

Постепенно я стал привыкать к своему новому положению в семье.

Налаживалась дружба с хозяевами. Подходя к хозяину и испытующе глядя ему в глаза, я выжидал, когда он соблаговолит пригласить меня на колени.

А что? Мне лежать на диване, что ли, когда есть возможность разрешить себя поласкать?

— Мяу! Нельзя ли устроиться на твоих коленях? А я тебе песенку промурлычу. Ноги твои усталые помассирую. Теплом прогрею твои больные косточки. Знаю, что тебе необходимо».

С приходом весны кота отвезли на дачу.

«Мур-мур-мур! А что? Совсем недурно. Вот где раздолье-то. Мяу! Вроде мятой запахло?! Пойду-ка я

пройдусь, ознакомлюсь с окрестностями своей виллы. Как мне кажется, меня привезли сюда не на один день.

В траве что-то юркнуло и исчезло.

А говорили, что это их сад, а здесь ползает всякая нечисть. Ну, подожди, я покажу, кто здесь хозяин. Думаете, я испугался? Не тут-то было.

Тогда я не был знаком с ящерицами, которых в саду было немало. Помню, каково было моё удивление, когда под моей лапой оказался хвост убегающей „злоумышленницы“.

Здесь, в зелёной роскоши сада, я вновь почувствовал себя Цезарем. У меня появилось хобби. Видимо, пробудился инстинкт охотника. Я ловил птиц, мышей.

Отдохнув, все уехали, оставив меня одного. Но, замечу, с большим количеством продуктов. На соседнем участке за мной наблюдал рыжий кот.

По всему видно было, что его постигла та же участь, что и меня. Оставшись один, я решил пригласить его в гости.

— Ну что мнёшься? Заходи. Угощаю. Лезь в форточку, других дверей нет. Как звать-то?

— Василий, — промяукал гость.

Помню, как мы в тот день погуляли. Василий был толстый, неуклюжий, но ел, надо вам сказать, за троих. Тут я стал опасаться, что останусь без провианта, и пригласил его погулять. Но он так объелся, что никак не мог допрыгнуть до форточки. Вот что жадность делает с котами».

Васька — жирный, неповоротливый увалень, и Цезарь всегда чувствовал своё превосходство над ним.

«В общем, мне здесь неплохо. Свежий воздух. Полина с родителями меня навещают, привозят всякой вкуснятины. Каждый отдаёт мне почести ласками, приятными речами. А я, как положено, каждый раз встречаю их, выйдя на дорогу.

А как иначе? Я же хозяин».